

Подъем монополий ПРОЦЕСС УКРУПНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 491
Ноябрь 2017 г.

Дэвид Жакони¹
Университет Джорджа Вашингтона

За последнее десятилетие в российской экономике произошел отчетливый поворот к монополизации и ренационализации. Государство продолжает агрессивно вмешиваться в рыночные процессы, принимая новые правила, расширяя свою долю ВВП и в конечном итоге вытесняя частные компании. Эти действия, равно как и череда экономических кризисов после 2008 года, резко понизили уровень конкуренции в большинстве отраслей российской экономики. Однако даже в течение этого длительного периода экономического спада и стагнации крупные российские компании оставались прибыльными – частично благодаря сокращению количества конкурентов.

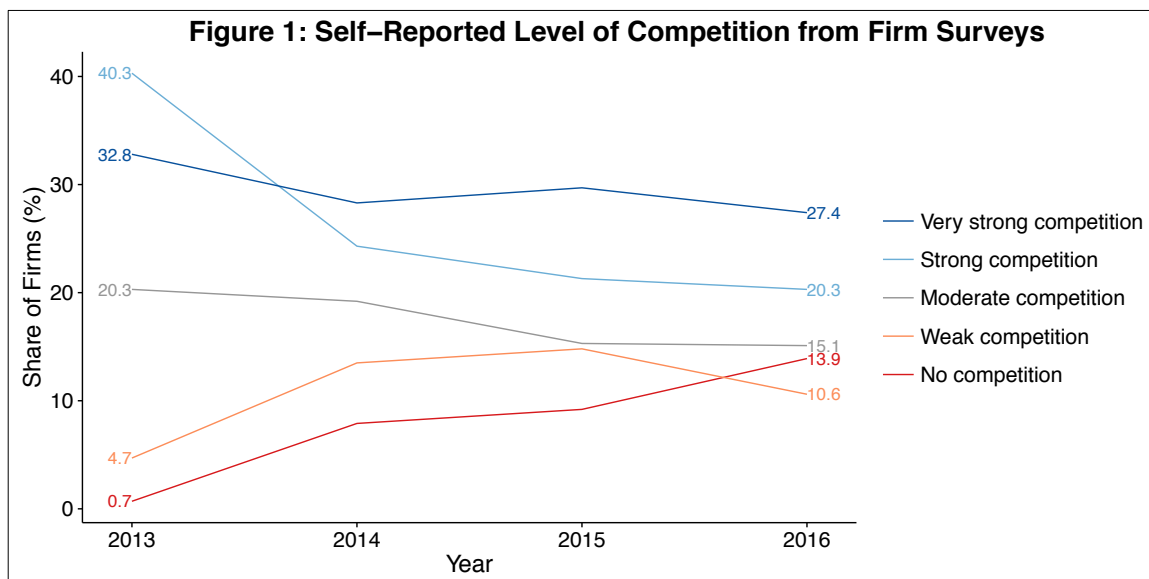
В такой стране, как Россия, монополизация рынка может вызвать ряд политических и экономических проблем. Низкий уровень конкуренции мешает попыткам увеличить производительность труда, сдерживает экономический рост и вносит свой вклад в рост и без того высоких цен, которые платят потребители. Это может привести к росту политических беспорядков в низах, по мере того как граждане по экономическим причинам будут отказываться от поддержки правительства президента Владимира Путина. Более того, появление монополий во многих секторах возложило безмерную политическую власть на нескольких экономических акторов. Крупные компании встречают меньше препятствий в получении преференций от государства и используют множество рычагов, чтобы блокировать модернизационные реформы, которые могли бы подорвать их контроль над рынками. Это может в краткосрочной перспективе уменьшать возможности из-за рубежа оказывать давление на российское правительство, поскольку государству легко поддерживать небольшое количество фирм, подпавших под санкции. Но до тех пор, пока продолжится этот процесс монополизации, перспективы долгосрочного роста для России будут все более расплывчатыми.

¹ Дэвид Жакони ([David Szakonyi](#)) – профессор политологии в Университете Джорджа Вашингтона.

Текущее положение дел

Согласно нескольким источникам, состояние конкуренции в российской экономике оставляет желать лучшего. Начиная с 2014 года [Аналитический центр при правительстве Российской Федерации](#) проводил опросы с целью проследить, как воспринимает бизнес состояние конкурентной среды. Каждый год в опросе участвует примерно 1000 компаний из 84 регионов, они отвечают на вопросы о том, как в их отрасли изменилась конкуренция за последний год, а также о шагах, которые они предпринимают для повышения своей собственной конкурентоспособности. Любопытно, что 80–90 процентов опрошенных являются представителями так называемых микропредприятий, с численностью сотрудников менее 100. В то время как значительная часть сообщений о монополизации рынка основана на данных о доминирующих на рынке так называемых национальных лидерах, Аналитический центр смотрит на более широкий срез российской экономики. **График 1** представляет распределение ответов (по шкале из пяти позиций) на вопрос, как Ваша фирма оценивает текущий уровень конкуренции, с которой она сталкивается.

График 1. Уровень конкуренции, определенный самими фирмами в опросе (по шкале: очень сильная конкуренция, сильная, средняя, слабая и нет конкуренции)

Источник: Аналитический центр, Доклады о конкуренции, 2014–2017

Проявляется четкая тенденция. За последние четыре года доля фирм, ответивших, что у них «нет конкурентов», увеличилась на порядок – с 0,7 процента в 2013 году до 13,9 процента в 2016-м. Эти данные дополняются тревожным ростом числа рынков, где фирмы в основном не встречали конкурентов в получении прибыли. В 2016 году почти четверть всех фирм сообщили, что они или имеют дело со слабой конкуренцией, или у них нет конкурентов; это в пять раз больше, чем всего пять лет назад. Соответственно показатели «очень сильной» и «сильной» конкуренции упали за этот период. Такие отрасли, как информационные технологии, пищевая промышленность и строительные материалы показывают более высокий уровень конкуренции, а наименьший уровень испытывают

фирмы, работающие в деревообработке и энергоснабжении. Эта закономерность прослеживается и дальше: 24 процента фирм сообщили о падении количества прямых конкурентов в 2016 году по сравнению в 2015-м.

Результаты этого опроса согласуются с другими данными. В своем ежегодном [докладе за 2016 год](#) Федеральная антимонопольная служба – орган, призванный предотвращать монополизацию на рынке – сообщила о растущем количестве имеющих связи с государственными органами картелей, которые распространены во многих отраслях, включая оборонный комплекс, строительство и фармацевтику. Эти картели координируют свою деятельность и имеют тайные соглашения на государственных торгах (на это обратили внимание несколько расследований Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального), а также делят рынки и устанавливают цены. Монополизация также происходила в результате того, что крупные компании поглощали конкурирующие фирмы, зачастую без должного к тому внимания со стороны регулирующих органов. Ожидается, что слияния и поглощения [продолжатся без ослабления](#) в нефтегазовой отрасли, страховании и в сельском хозяйстве. Что касается финансового сектора, крупнейшие пять банков России вместе распоряжаются по ряду показателей более чем 50 процентами рынка.

Каковы движущие силы монополизации на рынке?

Почти непрекращающийся с 2008 года в России экономический кризис определенно внес свой вклад в монополизацию во многих отраслях. Помимо макроэкономических последствий (таких, как инфляция, нестабильный обменный курс валют и сокращение бюджетов), экономический кризис может перевернуть игровое поле для конкурирующих в экономике фирм. Кризис часто приводит к росту концентрации на рынке, потому что подвергает риску и в конечном итоге убивает фирмы с более нестабильным доступом к капиталу, слабыми политическими связями и меньшими прибылями. Уровень банкротства в России взлетел после обоих кризисов – 2008 и 2014 годов – когда малый и средний бизнес был задавлен стремительным ростом процентных ставок, чрезмерным налоговым бременем и отсутствием гарантий их прав собственности. Эти кризисы способствовали расчистке площадки для более крупных фирм с более твердым финансовым основанием, так что они могли занять место своих конкурентов.

Однако, что еще важнее, экономические кризисы больше задействовали основной фактор ослабления конкуренции в России – расширение правительственного вмешательства и регулирования на рынках. В обычном понимании регулирующие инстанции часто ассоциируются с продвижением равноправной и честной конкуренции посредством разрушения картелей и проверки слияний и поглощений на предмет ухудшающих конкуренцию эффектов. Но в России реальность слишком далека от этого представления. В действительности явное большинство фирм, опрошенных Аналитическим центром на протяжении 2014 года, ссылались на некоторые правила, введенные правительственными чиновниками, а также на неуверенность по поводу законодательной базы в целом как на факторы, в наибольшей степени влияющие на снижение конкуренции на их рынках. Представители фирм считают, что российское правительство причастно к поддержке анти-конкурентного поведения и оказывает давление на компании, работающие на рынке.

Политика, наносящая вред конкуренции, имеет различные формы. Во время кризисов субсидии идут крупным, неэффективным госпредприятиям, чтобы избежать угрозы увольнения работников и политических волнений. Кроме того, российское правительство недавно предприняло попытки заняться промышленной политикой и импортозамещением. Ограничивая импорт сельскохозяйственной продукции (посредством контрсанкций) и медикаментов, правительство напрямую заставляет иностранные фирмы и их продукцию покинуть Россию. В конечном итоге государство убедительно подтвердило, что оно является крупнейшим собственником экономических активов, когда с начала 2000-х годов начало национализировать ряд важных компаний. Госпредприятия получают выгоду от того, что их советы директоров играют двойную роль в государственном и частном секторе, в том числе они могут использовать административные ресурсы для подрыва своих конкурентов, работающих исключительно в частном секторе. Это особенно может быть важно для доступа к финансам: на этом поле теперь [доминируют государственные банки](#), которые выдали более 65 процентов торговых кредитов и 71 процент корпоративных кредитов в 2016 году.

Пытаясь бороться с этими тенденциями, Федеральная антимонопольная служба (ФАС) возможно откусывает больше, чем может прожевать. Кроме того, что на ФАС возложена ответственность за целое множество функций, таких как мониторинг государственных закупок и установка тарифов, служба пытается также регулировать рынки вплоть до самого нижнего уровня, занимаясь производителями молочной продукции в деревнях и такими индивидуальными предпринимателями, как водители такси и владельцы салонов. Почти две третьих всех компаний, находящихся в ведении ФАС, составляют малые и средние предприятия, на которые приходится более чем 35-процентная доля рынка. Каждый год ФАС открывает 60 000 антимонопольных дел – намного больше, чем где бы то ни было в мире (для сравнения: Соединенные Штаты и европейские страны открывают в среднем 100 дел в год). В то же время ФАС воздерживается от проверки гигантов экономики, доминирующих в своих отраслях (“Газпром”, “Сбербанк”, “Ростекс” и т.д.). ФАС обладает кадрами и правовыми инструментами для обеспечения конкуренции, но не имеет политической независимости от властной верхушки.

Внутриполитические и экономические последствия

Снижение конкуренции может привести к целому множеству экономических и политических проблем для страны. Во-первых, монополизация рынка может тяжело сказаться на экономическом росте. Компании, не имеющие дело с давлением конкуренции, меньше инвестируют в инновации, производительность труда и продвижение на новые рынки. Эти три области были уже слабым местом российской ресурсно-зависимой экономики задолго до недавней волны укрупнений, и сокращение конкуренции только ухудшит дело. Доступность легких монопольных прибылей приводит к самоуспокоенности и предпочтению существующего положения дел, а не экономического развития. Монополии более ищут способы, как защитить свои доходы, а не как создавать новые возможности. Кроме того, для такого сплава государства и экономики типичны безудержная коррупция и административная рента. ФАС недавно подсчитал, что [вклад государственного сектора в ВВП России](#) уже составляет 70 процентов. С кем будет

конкурировать государство, если ему принадлежит почти все? Правительственные чиновники предпочитают работать с компаниями, принадлежащими государству или по крайней мере имеющими политические связи, в то время как гибкие и эффективные частные фирмы не получают доступа к финансам и страдают от недостатка справедливых правил. Ключевые модернизационные цели России остаются без реализации, когда монополии доминируют в экономике.

Российские граждане также страдают от растущей монополизации. Их кошельки уже испытывают разностороннее давление, являющееся результатом высокой инфляции и резкого сокращения программ социального обеспечения, а теперь к этому добавляются более высокие цены за товары более низкого качества, производимые на монополизированном рынке. Гигантские монополии возможно также способствуют росту неравенства в доходах, поскольку их огромные прибыли получает только класс собственников. Меньшее количество работающих на рынке фирм означает ухудшение возможностей в поиске работы и снижение зарплат; для частного сектора лучше, когда рабочая сила в избытке, что снижает затраты на производство. Малые и средние предприятия, более всего создающие рабочие места, просто не могут конкурировать со старыми акулами рынка, которые поднимают слишком высоко планку для входа на рынок. Потребители также становятся уязвимы для эксплуатации со стороны большого бизнеса, когда сговор и другие виды корпоративных преступлений часто идут рука об руку с монополистическими рыночными структурами.

Чем больше давления российские избиратели встречают в повседневной жизни, тем больше вероятность того, что они перестанут поддерживать режим. Экономические протесты в настоящее время сильнее, чем политические, и лидеры оппозиции медленно, но верно выстраивают кампании вокруг сокращения программ социального обеспечения и безудержной коррупции. Но монополизация российской экономики также сокращает вероятность того, что появятся новые политические силы и заявят о своих интересах. Путинское правительство стремилось достичь консенсуса среди ключевых фигур экономической элиты посредством ограничения числа основных игроков. Предотвращая развитие реальной конкуренции между компаниями в важных отраслях экономики, Путин упростил проблемы управления. Иметь дело с представителем крупного бизнеса, имеющим политические связи, означает сократить трения переговорного процесса и облегчить координацию работы сверху вниз, а это ценится российскими политиками. Монополизация на рынке в конечном итоге препятствует появлению участников с реальными ресурсами, которые хотели бы бросить вызов существующему положению вещей.

Последствия для политики США

При оценке эффективности международных санкций против России мы должны взять в расчет эти структурные изменения российского рынка. Санкции явно не вполне достигли своих краткосрочных целей, будучи направлены на российские фирмы, которые не боятся, что их вытеснят с рынка их конкуренты. Восстановление государственных долей собственности также гарантирует новым олигархам, связанным с Путиным, что эти компании находятся в безопасности: правительство намерено идти далеко для защиты их

от международного давления. Во многих отношениях после 2014 года Кремль занимался строительством защитной стены вокруг своих национальных лидеров, направляя им субсидии, создавая налоговые лазейки и выгодные правила с целью удержать главные движущие силы национальной экономики на плаву. Правительство, похоже, осознало, что для Запада труднее вбить клин между представителями высшей элиты, когда для них нет необходимости конкурировать друг с другом.

Однако санкции были именно таким образом разработаны, чтобы ущерб от них для российской экономики не был очевиден в одно десятилетие. Один пример – переход к ограничению импорта технологий двойного назначения; российская нефтегазовая промышленность может поддерживать добычу в среднесрочной перспективе, но в конечном итоге она сильно пострадает от того, что не сможет разрабатывать более сложные залежи. То же верно и в отношении монополизации рынка. Российские государственные гиганты выдержали первый штормовой период, но кризис привел к еще большей экономической концентрации и вмешательство правительства будет иметь разрушительное воздействие на способность России добиться устойчивых темпов роста. Без реформ, которые оживят на внутреннем рынке конкуренцию и обуздают государственное вмешательство, неминуемо продолжение стагнации, которое в конечном итоге ослабит способность России распространять свою власть за рубежом.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org